

Решение не говорить Рону было тяжелым. Станным. Последние дни в школе они нервно раздумывали, говорить ему или нет, но потом решили, что лучше не говорить. По крайней мере, пока не стоит; к нему легко будет обратиться, если он им понадобится, но в то же время, так ли уж он полезен сейчас? Было ощущение, что им нужно было что-то более целенаправленное, пока они определялись с планом действий, и гораздо больше, чем все это, Гарри и Гермиона хотели побыть наедине. Время, чтобы трахаться без разбора, а Рон был их другом, и всегда им будет. Но они находились в том разочарованном состоянии новых отношений, когда все, чего они хотели, это трахаться как животные, а Рон оставался третьим лишним.

Поэтому они молчали обо всем, в том числе и о своих отношениях. Сейчас было не время. Они ехали в Хогвартс-экспрессе, изо всех сил прощаясь с друзьями и делая вид, что увидятся со всеми в следующем году. Не только Рон, но и Джинни, Полумна, Невилл, все члены команды по квиддичу, все, кого они не были уверены, что увидят снова, готовились к спуску в неизвестность, уверенные лишь в том, что нет никакой гарантии, что они вернутся. Это была глубоко разочаровывающая и односторонняя ситуация, в которой можно было оказаться, никогда не будучи уверенными в своем положении и в том, как они собираются действовать.

Секрет оставался. Это было необходимо. Они знали, что есть узкий круг людей, которым можно доверять, но безопасность которых требовала, чтобы они ничего не знали, а за его пределами не было никакой гарантии, что кому-то можно доверять. Пока нет. Война только начиналась, и вскоре все должно было стать бурным и разрушительным для всех участников. Сидя и ожидая своей свободы и начала осуществления всех своих планов, Гарри и Гермиона чувствовали, что скоро все станет безумным, прежде чем станет более разумным.

Рон заснул, и рука Гермионы скользнула под одеяло, схватила член Гарри и погладила его, прислонившись к нему. "Мне плохо", - прошептала она. "И не только из-за Рона. Мы лжем всем".

"Я знаю."

"Даже Полумне".

"Полумне действительно больнее, чем остальным", - признался Гарри. "Мы - ее единственные друзья. Но это должно быть так, мы не можем позволить никому узнать. Я бы скрыл это от всего Ордена, если бы мог, но как только мы окажемся там, я уверен, Рон вскоре узнает".

"А если он попытается нас навестить?"

"Я еще не знаю, что мне придется делать, но это будет нелегко". Уизли так много сделали для Гарри, причем сделали безоговорочно. Мало кто проявлял к нему такую доброту, как они, и только потому, что кто-то в этом нуждался. "Это не борьба Рона, и я не стану отнимать у Молли одного из ее сыновей".

"Он сделает это своей битвой в одну секунду, если ты его попросишь".

"Я знаю, он бы сделал, вот что делает это таким трудным". Гарри откинулся назад, пальцы ласкали щеку Гермионы. "Тебе нужно определиться: либо ты делаешь мне хэндджоб, либо мы сетуем на то, что обманываем наших друзей. Я не могу делать и то, и другое".

Гермионе было слишком легко сделать выбор, так как она уткнулась головой в шею своего парня и посасывала его кожу, намереваясь оставить ему несколько засосов, в то время как она продолжала обожать его член и ухаживать за ним под одеялом, подальше от посторонних глаз.

Свое возвращение в дом № 4 по Прайвет-драйв Гарри сделал очень прямым. Он вошел, поздоровался, сказал, что уезжает в дом, доставшийся ему в наследство от друга родителей, и что он будет на связи. Он был взрослым, готовым к отъезду, готовым жить самостоятельно, и он шел по осторожной линии. Дамблдор сказал, что пока Гарри может называть это место домом, магия будет действовать, и это означало, что он будет осторожен с Дурслеями. Он попросил оставить его спальню как есть, "на всякий случай", но пообещал, что им больше не придется заботиться о нем. В любом случае, они никогда не заботились о нем по-настоящему.

Все было по-деловому, прямой и твердый обмен словами. Гарри чувствовал холодность в том, как он справился с этим, но он все еще был недель позже смерти своего крестного отца; он знал, что такое семья, и в данный момент ему было трудно притворяться, что Дурслеи были семьей, независимо от того, какую далекую и неуважительную привязанность его тетя могла питать к своей ушедшей сестре. Любовь", за которой он вернулся, была даже не их любовью, а просто поддержкой его матери через общую кровь, которую они с тетей разделяли. Но не кровь помогла Гарри.

Через полчаса он был уже в больнице, а Гермиона стояла у обочины с улыбкой на лице. "Теперь ты свободен", - сказала она. "Больше никаких Дурслей. Ты можешь называть Гриммаулд Плейс своим домом каждое лето, пока не закончишь школу, а потом всю оставшуюся жизнь".

"Больше никаких Дурслеев", - повторил Гарри, на его лице появилась улыбка, и его охватило облегчение.

"Кажется, ты рад этому".

"Возможно, настанет день, когда они извинятся передо мной. Может быть, я прощу их, когда это случится. Но сейчас я оставляю все это позади. Они могут сидеть в своем тихом, домашнем ничегонеделании и наслаждаться своей жизнью, где им не нужно беспокоиться или бояться того, что делаем мы. Я не буду чувствовать себя плохо из-за того, что оставляю их для этого; у них все равно нет никакой любви ко мне."

"Тебе не нужно, чтобы у них была семья", - сказала Гермиона, ее рука потянулась к его руке. "И я имею в виду не только нас".

Гарри кивнул. "Я могу выбрать свою семью. И я сделал свой выбор". Его руки крепче сжались

на ее руках. "Ты готова идти домой?"

Гермиона кивнула, и их руки протянулись, чтобы схватить вещи, включая клетку, в которой терпеливо сидела Хедвиг. В мгновение ока они аппарировали прямо с тихой пригородной улицы, чтобы больше никогда не оглядываться назад.

<http://erolate.com/book/3154/74552>